

Семилетний мальчик поднял руку и повторил:

— Я обнял её за талию, и она не смогла вырваться?

Все взглянули на одиннадцатого принца, чей рост был всего на один пальчик выше талии этой девушки, и почувствовали, как их охватило удушье.

Мальчик снова повторил:

— Я прижал её к своим коленям и облапал всё тело?

Все: ...

Даже если ты слабая женщина, неужели ты не можешь оттолкнуть ребёнка?

Мальчик спросил:

— Я сделал с ней то и это... а?

Все взглянули на непонятно откуда взявшуюся мутную жидкость, а затем инстинктивно посмотрели на явно ещё не развитые гениталии мальчика, и их лица исказились.

Цзян Синсю был уверен, что он мог видеть, как несколько человек изо всех сил сдерживали желание рассмеяться.

Дочь начальника столичного управления была бледнее, чем когда она жаловалась, что её опозорил пятый принц.

Император нервно дёрнул бровью:

— Уведите их и допросите до конца!

Начальник столичного управления, всё ещё стоя на коленях, не успел подняться, как закричал:

— Ваше Величество, это ошибка! Мы не...

Ему заткнули рот и утащили.

Его дочь также была уведена стражей.

Наедине пятый принц обсудил этот случай с Цзян Синсю.

— Это точно дело рук шестого! — Пятый принц ударил по инвалидной коляске и твёрдо заявил Цзян Синсю. — Такая коварная и подлая операция, чтобы выманить деньги, — это точно почерк шестого!

— Как пятый брат узнал?

— Он уже не раз так делал! То продажа себя ради похорон отца, то любовь куртизанки. Шестой, он что, думает, что я дурак? Продажа себя ради похорон отца стоила мне двести пятьдесят гуань! Какой гроб может быть таким дорогим? Неужели она собиралась использовать золотой нанму для гроба своего отца?!

— Женщина, которая, кроме лица, ничего не имеет, не получившая специального обучения, как она может считать себя стоящей таких денег! Быть моей служанкой — у неё нет способностей. Оставить её в доме убирать — она неизвестного происхождения. Даже отправить её в деревню работать на полях — она слишком нежная, солнце её свалит!

Пятый принц становился всё более раздражённым, холодно ударяя по инвалидной коляске, которая громко стучала:

— Двести пятьдесят гуань! Двести пятьдесят гуань! Она этого стоит?!!

Цзян Синсю с тревогой наблюдал за этим и поспешил подать чашку чая:

— Не стоит, конечно не стоит. Брат, успокойся, не доводи себя до нервного срыва.

Пятый принц взял чай и выпил его залпом.

— Ах да, та куртизанка, она постоянно намекала, чтобы я выкупил её. Я думал, что она так уверена в себе, может, она действительно стоит того. Спросил цену.

Он холодно усмехнулся.

— Три тысячи лян! За такие деньги я мог бы воспитать десять таких куртизанок и ещё осталось бы.

Цзян Синсю почти машинально спросил:

— Пятый брат, откуда ты знаешь, что можно воспитать десять куртизанок?

Пятый принц взглянул на Цзян Синсю:

— А кто, по-твоему, та куртизанка в заднем дворе у Цзян Си?

— ... Та певица?

— О, они не знают о существовании друг друга, недавно только поругались. Два источника информации, чтобы гарантировать точность. Ведь Цзян Си действительно немного странный, столько дочерей высокопоставленных чиновников согласились стать его наложницами, вдруг человек, которого я послал, очаруется Цзян Си и предаст меня, я бы не хотел быть обманутым ложной информацией.

Правильное должно совпадать, а ложное — нет.

Пятый принц продолжал ругать шестого принца:

— Шестой зашёл слишком далеко! Взять какую-то женщину, чтобы подставить меня, это одно, но он ещё и думает, что может содрать с меня деньги. Он что, в деньгах помешался?

Он даже начал сомневаться в себе:

— Одиннадцатый брат, я выгляжу очень глупо?

Нет, он, вероятно, не ожидал, что ты будешь так считать.

Три тысячи лян серебра, в современном мире, это всего девяносто тысяч юаней, некоторые

богачи тратят больше на подарки стримерам за одну ночь.

Принц, встретив подходящую красавицу, потратит девять тысяч... о, три тысячи лян серебра, чтобы выкупить её, что в этом такого?

Цзян Синсю с трудом подбирает слова:

— На самом деле, пятый брат... я помню, ты подарил мне того зверя, пожирающего железо, за пятьсот гуань?

Один гуань — это восемьсот медяков, пятьсот гуань — это сорок тысяч медяков, то есть двести лян серебра, шестьдесят тысяч юаней, это тоже не так уж и мало — сейчас звери, пожирающие железо, ещё не являются национальным достоянием.

Пятый принц с удивлением посмотрел на Цзян Синсю и нахмурился:

— Тратить деньги на тебя — это другое дело. Одиннадцатый брат.

Он сказал очень серьёзно:

— Ты сравниваешь себя с этими вещами?

Да, как он мог сравнивать себя с этими вещами!

Цзян Синсю очень серьёзно кивнул.

Он действительно был слишком несправедлив к себе.

Пятый принц погладил брата по голове, чувствуя облегчение.

Затем продолжил жаловаться:

— Я тебе скажу, мы ни в коем случае не должны учиться у шестого быть такими скупыми. Он, наверное, раньше урезал зарплату своим писцам, раньше те, кто пытались меня соблазнить, говорили всё чётко и ясно, а дочь начальника столичного управления, ты видел, как она пыталась обвинить меня, это было так небрежно!

— Особенно когда она говорила, что я прижал её к своим коленям и делал то и это. В последние дни шли дожди, и мои ноги ужасно болели, эта девушка, хоть и стройная, явно не была легка как перышко, представь, как она бы извивалась у меня на коленях...

Говоря это, пятый принц потрогал свою ногу и содрогнулся.

— Ох, это было бы слишком для меня. Шестой никогда не ломал ногу, он даже не спросил у врача?

Цзян Синсю ответил:

— Наверное, он боялся спугнуть рыбу.

Заодно он понял.

— Раньше пятый брат сказал, что ваны Мэй не из людей шестого принца, потому что она не просила денег?

Пятый принц подтвердил:

— Да, да, я тебе скажу, на самом деле людей шестого легко узнать, они запрашивают огромные суммы, хотят не только моей жизни, но и моих денег. Но не расслабляйся, вдруг он однажды воспользуется этим нашим мнением и пойдёт против него, мы упустим это, и случится беда.

— Верно, нельзя недооценивать никого.

— Ты увидишь, шестой обязательно свалит всё на первого брата.

В итоге, допрос показал, что начальник столичного управления и его дочь действительно в один голос обвинили первого принца.

Цзян Синсю спросил:

— Так император поверил?

Не нужно было проверять, если император хотел подставить первого принца, это был бы он, даже если бы это был не он.

Пятый принц с странным выражением лица ответил:

— Не поверил.

— О?

— Первый принц тогда громко крикнул, что если бы у него была такая красавица, он бы никогда не позволил бы ей подставлять других. В общем, все, кто был там, поверили ему.

Пятый принц подумал, что первый принц в вопросах женщин был просто ядовит. Он тогда сразу поверил его оправданию.

Ядовитый первый принц, сняв с себя подозрения, встретил ваньи Мэй в загородном дворце.

— Я красивая? — Красное платье красавицы, развевающееся, как будто настоящее, как будто иллюзия.

Первый принц сразу же остолбенел.

Он уже вспомнил все свои прошлые моменты с ваньи Мэй.

В его воспоминаниях ваньи Мэй всегда носила белые одежды с узорами, не нарушая запретов, чтобы не выглядеть как траурные. Как холодная вода с заснеженных вершин. Теперь же красное платье, как пламя, было совершенно другим.

Ваньи Мэй слегка улыбнулась, и в её глазах появилась лёгкая дымка.

Этот огненный цвет стал печальным.

Сердце первого принца сжалось.

Она всё ещё любила его, раньше она стала наложницей императора, только чтобы подразнить его.

Когда вань Мэй медленно и с грустью спросила:

— Скажи, это похоже на свадебное платье?

Первый принц, уже чувствовавший вину перед красавицей, и теперь обнаруживший, что она всё ещё любит его, сразу же потерял голову.

Он с глубоким чувством взял вань Мэй за руку:

— Все эти годы ты так страдала, ожидая меня.

Вань Мэй прислонилась к плечу первого принца, не позволяя ему увидеть глубокую и искажённую любовь на своём лице:

— Не страдала, я знала, что ты всегда любил меня, ты просто притворялся, что не знаешь меня.

Первый принц с виноватым видом обнял вань Мэй:

— Да, я хотел бы иметь одну любовь, чтобы быть вместе до седых волос, как я мог забыть тебя! Раньше я был слишком занят, отец ценил меня, государственные дела были сложными, я не мог сразу забрать тебя...

Первый принц не мог продолжать, он почувствовал, что его плечо стало мокрым.

Авторское примечание:

Неправильный способ:

«Семилетний мальчик ночью разорвал твою одежду, набросился на тебя, обшарил тебя внутри и снаружи?»

В зале воцарилась зловещая тишина.

Правильный способ:

«Семилетний мальчик ночью разорвал твою одежду, набросился на тебя, обшарил тебя внутри и снаружи?»

Женщина с горечью сказала: «Ты Владыка Цзывэй! Ты исключительный!»

<http://bllate.org/book/16223/1457380>